

**ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,
об одиннадцати
ГОЛОВАХ**

ГОЛОВА 1

Светския манеры не есть потеха. Сей дар Господень раскрывает в человеках их изысканность природную. Да и тем, кто от рождения лишён изящества и грации, сии манеры такоже являют пользу несомненную. Ведь эти несчастныя становятся к политесу способными – подобно медведю дикому, но в наморднике, на цепи и с подстриженными когтями.

«Наставления Синебрада, барона Бульденского, своим бастардам»

Джанти всегда учили: громко кричать, а уж тем более визжать – это ниже её достоинства. Ведь она единственная дочь и наследница одного из самых уважаемых баронов Турландии! И ей не подобает изъявлять свои утончённые переживания при помощи звуков, столь свойственных балаганным актрисам.

Однако в минуту, с коей начинается наш рассказ, баронесса не только визжала, но и топала ногами. Так велико было возмущение Джанти недоверием отца, который ворвался в её опочивальню, лишь только она изволила прилечь перед ужином. И девушку не смущало ни обилие челяди, столпившейся в коридоре, ни даже присутствие в этой толпе мэтра Карра, учителя изящных манер.

Когда барон Эльдо влетел в покои дочери, чуть не сорвав с петель могучую дверь, Джанти потеряла дар речи. И пока

бушующий родитель метался то к занавескам на окнах, то к сундуку, то к шкафу, его дочь была способна только на неуверенные «ой» и «ах». Но по мере того, как барон остывал (со всё большей очевидностью убеждаясь, что в опочивальне и смежных помещениях никого больше нет), Джанти, наоборот, закипала. Последней каплей для неё стала финальная проверка: уже вроде бы успокоившись и остановившись посреди комнаты, барон вдруг с ловкостью опытного военного прыгнул на постельное ложе Джанти и размашисто, от души, вмазал кулаком по невидимому противнику под кроватью. Удар пришёлся в пустоту.

– Отец! – не выдержав, вскрикнула наконец юная баронесса.

Любящий родитель слегка смущённо улыбнулся своей кровиночке, но всё же свесил голову под кровать. Там никого не было.

И вот теперь настала пора дочери выказать папе свой норов. Воинственно выдавив грудью родного отца в смежную комнату, а затем и в коридор, Джанти начала и махать кулаками, и кричать, и – даже страшно подумать – временами сходить на визг. О чём, собственно, мы уже говорили в самом начале.

– Любезнейший папенька! Как вы могли подумать! И тем более ворваться! Как это низко! – Дочь стояла почти вплотную к отцу, подняв свой точёный носик к его подбородку. Её каштановые кудряшки тряслись у самого носа барона, заставляя его отдёргивать голову и пятиться шаг за шагом.

– *Пылует недогодованием*, – тихонько проговорил стоящий среди толпы личный паж барона. – *О сколь недостойно она пылует!* – Паж настолько удачно скопировал напыщенные интонации мэтра Карра, что окружающие его слуги начали сдавленно хихикать. Сам мэтр, слегка побагровев, сделал вид, что ничего не услышал. Вот что значит настоящие манеры!

Его блистательство барон Эльдо сообразил, что дочка вошла в раж и бормотать перед нею извинения бессмысленно. Посему верховный военачальник баронства начал отступление на заготовленные позиции. Иначе говоря, он махнул рукой,

развернулся и отправился восвояси, попутно рыкнув на столпившихся слуг.

Когда Джанти подвергла новому испытанию дверной косяк, очень громко уединившись в своих комнатах (люди менее утончённые сказали бы «хрястнула дверью»), слуги начали торопливо расходиться, делая вид, что они тут проходили совсем случайно. Через полминуты перед покоями юной баронессы остался лишь мэтр Карр, который, прищулив глаза и заложив руки за спину, всё буравил взором закрытую дверь, будто пытаясь увидеть, подобающе ли ведёт себя его ученица за этой дверью.

– М-да, ещё работать и работать, – пробормотал наконец учитель изящных манер и неспешно двинулся ужинать.

* * *

Оставшись одна, Джанти, а точнее, Джаната-Гольдина-Марайя-Гистанция, как её ласково называли родители, перевела дух. Возмущение её было поистине бурным – и не в последнюю очередь потому, что отец в своих подозрениях оказался весьма близок к истине. Однако её Горд не стал бы пробираться к ней в опочивальню – подумайте сами! – на третий этаж баронского особняка, перед праздничным ужином, и к тому же среди толпы челяди, снующей по коридорам! Полнейшая глупость!

«Вот ночью – другое дело... – еле слышно прошептала юная баронесса. – Ах, Горд! Мой милый Горди!»

Переключившись на лирический лад, девушка окончательно успокоилась и медленно обвела взором свои апартаменты.

«Ну, папенька, ну, разбуянился! Хотя не поломал ничего, и то радость. Как кровать-то выдержала эдакий прыжок!»

Джанти подошла к своему ложу и стала расправлять постель. Следовало бы служанку позвать, но наследница барона Касбурга сейчас никого не хотела видеть. Да и дело-то нехитрое: только мусор с простыни стряхнуть и покрывалом накрыть. Хотя мусор какой-то странный – каменная крошка,

причём встречаются довольно крупные кусочки. Джанти подняла взгляд на потолок своей опочивальни.

«Нет, это точно не побелка. Папенька из каменоломни прибежал, что ли?.. В Стержневой день ему больше пристало бы находиться в церкви. Ладно, какая разница... Застелили, и готово. Гораздо интереснее, с чего именно он решил, что у меня кто-то есть? От кого он мог узнать про Горди?.. И почему ворвался именно сейчас? Смешно, право слово, считать, что я среди бела дня... Хотя уже смеркается... Ну хорошо, смешно считать, что я *ранним вечером* кого-то буду прятать под кроватью! Тем более, кого там можно спрятать! Она же низкая!»

Джанти так развеселилась, что сама решила проверить, можно ли кого-то уместить под её ложем. С задорной усмешкой она присела на ковёр у постели, подняла свисающее покрывало... И сразу убедилась, что можно. По крайней мере, у лежащего под кроватью обнажённого молодого человека, который смотрел на неё со странным выражением лица, проблем с размещением не возникло.

* * *

Сказать, что Тóрин ничего не понимал, – это ничего не сказать. Он был потрясён, оглушён и ошарашен одновременно. Всего миг назад он прощался с жизнью, пробиваясь к заветному выходу из рушащейся башни, сжимая в побелевшей руке Синий Камень и понимая, что не успевает, не успевает, не успевает!!! И вдруг он оказывается в незнакомом месте, в какой-то спальне, богато и изящно обставленной, причём лежит на постели, явно согретой телом только что вставшей красивой девушки. Уж запах девичьего тела ему хорошо известен, Столпы свидетели! Правда, о красоте владелицы покоев он узнал чуть позже, когда она заглянула под ложе... Но обо всём по порядку.

Итак, он очутился в кровати. Его пальцы, судорожно сжимаясь и разжимаясь, лишь хватали воздух – Синего Камня в них уже не было. Куда же он исчез?..